
Предложенная аль-Фараби классификация городов и обществ позволяет прийти к неутешительному выводу о том, что мы имеем несчастье жить в недобродетельном обществе. Современное деление стран на развитые, развивающиеся и третьи — бессмысленно, с точки зрения аль-Фараби, ибо весь мир — и экономически развитый, благополучный на первый взгляд Запад, и отсталый, противоречивый Восток, и запу-

тавшийся в проблемах переходного периода третий мир — то есть все мы, являем собой образцы недобродетельных городов-обществ. Счастье, к которому мы стремимся, есть ложное, извращенное счастье. Настало время обратиться к идеям великих мыслителей и, пока еще не поздно, начать строить Добродетельный город, о котором мечтал великий мыслитель восточного Ренессанса Абу Наср аль-Фараби.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аль-Фараби*. Трактат о взглядах жителей Добродетельного города // *Григорян С. Н.* Из истории философии Средней Азии и Ирана VII–XII вв. М.: Прогресс, 2000. С. 157.
2. *Дубко Е. Л., Титов В. А.* Идеал, справедливость, счастье. М.: Изд-во МГУ, 1989. С. 61.
3. *Сатыбекова С. Х.* Гуманизм аль-Фараби. Алма-Ата: Наука, 2005. С. 127.
4. *Спиноза*. Богословско-политический трактат. М.: Парус, 1998. С. 56.
4. *Философия: Учебник для вузов / Под ред. В. Н. Лавриненко, В. П. Ратникова*. М.: Культура и спорт, ЮНИТИ, 1999. С. 550–557.
6. *Хайруллаев М. М.* Фараби и его философские взгляды. М.: Полиграф, 2005. С. 29.

REFERENCES

1. *Al'-Farabi*. Traktat o vzgljadah zhitelej Dobrodetel'nogo goroda // *Grigorjan S. N.* Iz istorii filosofii Srednej Azii i Irana VII–XII vv. M.: Progress, 2000. S. 157.
2. *Dubko E. L., Titov V. A.* Ideal, spravedlivost', schast'e. M.: Izd-vo MGU, 1989. S. 61.
3. *Satybekova S. H.* Gumanizm al'-Farabi. Alma-Ata: Nauka, 2005. S. 127.
4. *Spinoza*. Bogoslovsko-politicheskij traktat. M.: Parus, 1998. S. 56.
5. *Filosofija: Uchebnik dlja vuzov / Pod red. V. N. Lavrinenko, V. P. Ratnikova*. M.: Kul'tura i sport, JUNITI, 1999. S. 550–557.
6. *Hajrullaev M. M.* Farabi i ego filosofskie vzgljady. M.: Poligraf, 2005. S. 29.

Г. Ю. Абрамович

СТРАХИ И ТРЕВОГИ РОССИЯН

Кто заражен страхом болезни, тот уже заражен болезнью страха.

М. Монтень.

В статье речь идет об уровнях страха у опрошенных россиян по возрастным группам, по месту проживания, по социальным статусам, по уровню образованности людей, по их взглядам на будущее. Автор анализирует влияние объективных характеристик людей на уровень и специфику тревожности.

Ключевые слова: фобия страха, национальная идентичность, опасность, интенсивность страхов, тревожность, глобальная угроза, массовый психоз.

RUSSIANS' FEARS AND CONCERNS

The article focuses on the levels of fear among respondents of different age, place of residence, social status and level of education, and their views on the future. The impact of the objective characteristics of respondents on the level of specificity of their anxiety has been analyzed.

Keywords: fear phobia, national identity, danger, intensity of fear, anxiety, global threat, mass psychosis.

Довольно часто в средствах массовой информации появляются материалы, которые посвящаются различным видам страхов, боязни катастроф, тем самым подхлестывая массовой психоз, и все это остается в сознании людей.

Отсюда возникает вопрос: как выжить и сохранить национальную идентичность? Эта тема привлекает внимание философов, политологов, социологов. Рассматривая «либеральный» и «государственный» пути развития России, соответствующие идеологические платформы и психологические стереотипы, ученые приходят к выводу о том, что за различиями между сторонниками первого и второго путей стоят различия в восприятии опасностей: «У державников превалирует страх потерять свое государство, потерять свой национальный суверенитет, страх превратиться в жителя колонии... Что же касается новых западников, то они, по большей части, являются рабами страха перед Российской государственностью. Им кажется, что воссоздание сильной власти приведет к возрождению тоталитаризма, политического насилия и ксенофобии» [2, с. 45].

Россиянам разного возраста и пола, имеющим различный социальный статус, уровень образования и проживающим в различных регионах России, было предложено ответить на 47 вопросов анкеты и выразить свое отношение к различным группам опасностей. Интенсивность страхов и тревог измерялась по шкале: от «меня это не беспокоит» — до «это вызывает у меня постоянный страх» [1, с. 44].

Индикатором, позволившим условно разделить опрошенных респондентов на две группы — «западников» и «традиционалистов», выступили следующие вопросы анкеты:

1. Какие политические партии, движения, образ мыслей вам более близки в настоящее время и какие вы решительно отвергаете?
2. Какой путь экономических преобразований представляется вам предпочтительным?

К группе «западников» отнесены россияне, считающие, что нельзя отбрасывать пройденный путь становления рынка, и для страны предпочтительнее смешанная экономика, сочетание государственной и частной собственности при дальнейшем укреплении частной собственности; придерживающихся либеральных взглядов (курса на продолжение рыночных реформ, на активное включение России в мировое сообщество, сотрудничество, иногда даже на невыгодных условиях, с западными странами) оказалось 440 человек.

К группе «традиционалистов» (около 500 человек) были отнесены респонденты, убежденные в необходимости активного вмешательства государства в отношении между участниками экономического процесса, то есть выступающие за укрепление государственных контроля и собственности, за усиление элементов централизованного планирования. Важным моментом для них является вопрос о возрождении страны как великой мировой державы и сохранение самобытности России. Иными словами,

установки и ориентации этой группы воспроизводили, пусть несколько модифицированные, но все же традиционные для советского человека схемы.

Таким образом, категорию доминирующих в общественном мнении опасностей в данном исследовании составили те, в отношении которых тревогу испытывают 30–50% респондентов. Опасности, вызывающие повышенную тревогу у менее чем 30%, были обозначены как фоновые. Опасности, которые вызвали сильную тревогу и постоянный страх 2/3 (50–70%) опрошенных, обозначены как главенствующие. Опасности, в отношении которых 70–100% респондентов разного пола, возраста, уровня образования и социального статуса чувствуют себя незащищенными, в данной классификации идентифицированы как всеобщие.

Социально-демографические характеристики обеих групп респондентов выглядят следующим образом: 41,2% «западников» в возрасте до 40 лет, 29,3% старше 60 лет, среди «традиционалистов» — 39,3% старше 40 лет и 36,2% моложе. Около четверти первых и пятая часть вторых имеют высшее образование, треть респондентов в обеих группах — среднее специальное. Что касается семейного положения: женаты / замужем — около 70% представителей обеих групп, однако при этом имеют детей 75,6% в первой группе и 85,9% — во второй.

Примерно одинаковое число представителей обеих групп занимаются частной предпринимательской (около 2%) и индивидуальной трудовой (1,5%) деятельностью, а также служат в армии и учатся (около 12%). Основное занятие респондентов — работа на государственном предприятии, в учреждении, организации (34,8%), многие — на пенсии (24,4%). К специалистам в области науки, культуры, здравоохранения, народного образования, дошкольного воспитания с высшим или средним специальным образованием отне-

сли себя 15,4%; к специалистам технического профиля с высшим или средним образованием — 14,7%. Свой доход оценивают как минимальный или низкий 55,1% «западников» и 65,2% «традиционалистов», как высокий или очень высокий — 3,5% первых и 0,4% вторых.

Около 70–80% опрошенных в группе обнаруживают более или менее выраженное состояние социальной тревожности. Причинами своей тревоги они считают те, что типичны, вероятно, для большинства населения, и прямо связывают их с реформами и с нестабильностью российского общества. Полученные в ходе опросов данные свидетельствуют о том, что в целом среди главенствующих опасностей устойчиво доминируют экономическое неблагополучие (обнищание, снижение жизненного уровня, массовая безработица) и различные проявления социальной патологии (полное беззаконие, криминализация общества, коррупция властных структур), то есть большинство в каждой группе испытывает тревогу в отношении повседневных опасностей, угрожающих физическому выживанию, страх перед социальным хаосом, беспорядками. На втором месте среди главенствующих опасностей — природные и экологические катастрофы: распространение массовых эпидемий, химическое и радиационное заражение воды, воздуха, продуктов.

Доминирующие опасности охватывают больше внутрисубъективных, чем глобальных проблем: военные, этнические, природные, экологические, демографические и морально-духовные — захват власти в стране экстремистами или мафией, распространение ядерного оружия, ядерная война, терроризм, гражданские и межэтнические войны, природные бедствия, генетическое вырождение нации, полная утрата традиций и культуры.

Наименьшую опасность (фоновые опасности) представляют глобальные угрозы в целом: перенаселение, исчезновение белой

расы как результат высокой рождаемости у народов с другим цветом кожи, глобальное потепление климата, опасное перенаселение городов и др. Это также идеологические опасности: диктатура и массовые репрессии, приход к власти радикальных коммунистов, геноцид и массовое преследование людей по этнонациональной принадлежности, масонство и его попытки захватить мир, сионизм и еврейские заговоры, нашествие ислама, распространение неонацизма. Совершенно беспочвенным россиянам представляется страх перед иррациональными угрозами, такими как конец света, гибель землян в результате космической катастрофы, захват Земли инопланетянами [3, с. 44].

Даже при поверхностном обзоре отношения «западников» и «традиционалистов» к опасностям четко просматривается близость основных показателей. И у одних и у других на первое место выходят не духовные, а сугубо материальные, биологические, социальные вопросы. Это не удивительно, поскольку большинство вне зависимости от политических и идейных взглядов поставлено на грань выживания.

Следующее наблюдение касается анализа влияния объективных характеристик (ролей) респондентов на уровень и специфику тревожности.

Влияние полового признака сказывается на 70% вопросов анкеты. Общий уровень тревожности у женщин в среднем значительно выше, чем у мужчин (в среднем 78% женщин и 59% мужчин испытывают сильную тревогу и постоянный страх по поводу лидирующей опасности).

Возрастная специфика проявилась между тремя основными группами: молодежью, людьми среднего возраста и пенсионерами. Максимальное количество «защищенных» можно обнаружить среди наиболее молодых в возрасте до 20 лет, где общий уровень страха наиболее низкий, что вполне естественно. В следующих двух группах (20–29 и 30–39 лет) общий уровень

тревожности примерно одинаков — 52%. Самый высокий уровень тревожности, заметно выше, чем средний, для всех опрошенных, у группы 40–49 и 50–59-летних россиян — 65%. При этом среди наиболее пожилых, в возрасте 60 лет, уровень страха заметно ниже, чем среди перешагнувших порог сорокалетия. Зона максимальной тревожности — это прежде всего у 49–59-летних россиян (особенно у безработных), которые воспринимают сужение своих возможностей наиболее болезненно. Можно предполагать, что эта возрастная группа испытывала на протяжении последних лет самые большие социальные напряжения и внутренние ценностные конфликты. Молодое поколение достаточно толерантно и открыто миру. Его представителей волнуют глобальные экологические, демографические проблемы. И слабую тревогу вызывают такие проблемы, как сионизм, исламский фундаментализм, преобладание людей с другим цветом кожи; скорее это беспокоит людей старшего поколения (50-летних — старше 60 лет). Бездуховность общества, природные катаклизмы, снижение рождаемости вызывают одинаковую тревогу у людей всех поколений [1, с. 48].

Высокая степень тревожности характерна для людей с низким уровнем образования и низким доходом. Плохое образование сегодня чаще всего означает низкий доход и соответствующий социальный статус. Повышена чувствительность к глобальным опасностям при высоком уровне образования вне зависимости от уровня дохода. Люди с высшим образованием больше озабочены глобальными опасностями (американизация жизни, сокращение рождаемости, перенаселение городов, нашествие ислама, возникновение в атмосфере озоновых дыр и др.), потому что больше информированы и ощущают универсализацию и глобализацию рисков, кроме того, они, как правило, менее религиозны. Причем уровень дохода в данном случае не оказывается значимым: к примеру, 17% людей с

высшим уровнем образования и низким доходом беспокоит геноцид и массовые преследования людей по этнонациональной принадлежности. Люди с низким уровнем образования больше озабочены реальными, повседневными опасностями (обнищание, безработица, катастрофический неурожай, утрата чувства коллективизма), а также иррациональными опасностями (конец света, захват земли инопланетянами и пр.). Наиболее сильна тревога респондентов в отношении к проблемам выживания — обнищание, криминализация общества и безработица. Чем выше уровень образования, тем меньше интенсивность страха. Более образованные люди в целом несколько оптимистичнее смотрят на жизнь.

Жители столицы в два раза чаще по сравнению с деревенскими жителями и в три раза чаще, чем жители районных центров, говорят, что довольны жизнью. Уровень тревог жителей сел и бывших районных центров превышает уровень тревог жителей столицы. Самой удивительной оказалась разница в тревогах по поводу коррумпированности правительства. Только около 30% столичных респондентов чувствуют тревогу по этому поводу. В бывших районных центрах — 62%, в малых городах — 59%, в деревнях — 59%. Особенно странным выглядит этот факт в свете того, что жители деревень считают центр «рассадником» коррупции.

Об общем фоне, характеризующем настроение «западников» и «традиционалистов», вряд ли можно судить по ответам на вопрос о том, в какой мере они удовлетворены своей жизнью и насколько уверены в будущем. В целом более половины опрошенных не удовлетворены своей жизнью, причем среди «традиционалистов» таких людей несколько больше — 55,2%, чем среди «западников» — 50,1%. Удовлетворены своей жизнью в той или иной степени 12% первых и 17% вторых; несмотря на некоторый оптимизм «западников», в будущем они проявляют такую же неуверен-

ность, как и «традиционалисты» — по 65% приблизительно.

Представители групп «западников» и «традиционалистов» в наибольшей мере испытывают тревогу в отношении следующих опасностей: снижение жизненного уровня, обнищание — соответственно 68 и 80%; безработица — 56 и 75%; полное беззаконие — 65 и 77%; криминализация общества — 60 и 71%; коррупция властных структур — 58 и 70%; массовые эпидемии, распространение СПИДа — 60 и 62%; химическое и радиационное заражение — 57 и 60%.

Следующее важное наблюдение было сделано нами в отношении центрального объекта страха россиян. Причины ослабления защищенности населения России лежат на разной глубине «общественного организма». Одни из них выходят «на поверхность» и видны невооруженным глазом. Другие причины касаются глубоких структур общества, которые непосредственно не наблюдаемы и для понимания которых нужен более основательный анализ. Какова же первая, самая главная, непосредственно наблюдаемая причина утраты людьми чувства защищенности? Обнищание? Беззаконие? Экологические катастрофы? Зависит ли она от политических предпочтений?

Ответ на эти вопросы был получен в результате анализа сопряженности главенствующих (для «западников») и всеобщих (для «традиционалистов») опасностей (расчеты проведены с помощью программы SPSS, при обработке данных использовались коэффициенты Крамера и λ (лямбда)). Оказалось, что вне зависимости от политических и идейных предпочтений главная причина утраты чувства защищенности в стране — это рост преступности, криминализация общества, что подтверждается и результатами массовых опросов населения, которые регулярно проводит ВЦИОМ. В частности, в ответах на вопрос «Какие социальные проблемы в последнее время волнуют вас сильнее всего?», задан-

ный в 1997 г., самая большая доля опрошенных назвала «рост преступности». Уже в 1998 г. резко возросла доля озабоченных безработицей и обнищанием, которые стали выходить на первые места в «иерархии значимости проблем», массовая озабоченность ростом преступности сохраняется. Полученные социологические данные совпадают с официальными данными по динамике преступности за последние годы и с тем фактом, что криминальная тематика является одной из центральных в средствах массовой информации за последние три-четыре года. Такое же сходство наблюдается и в отношении наименьших опасностей. Сторонники обеих групп мало обеспокоены распространением масонства, засильем сионизма, захватом земли инопланетянами и перенаселением планеты.

Наиболее значимы различия в отношении к потенциальным угрозам в группе доминирующих и фоновых опасностей. Больше число «традиционалистов» (> 10%), чем «западников», опасается угроз внутригосударственного уровня воздействия: захвата власти в стране экстремистами или мафией (соответственно 59 и 40%), сокращения рождаемости (37 и 20%), ядерной войны (50 и 34%), генетического вырождения нации (48 и 34%), американизации жизни в стране (37 и 25%), нападения соседних государств (31 и 21%).

В отношении респондентов двух групп к ядерной войне сказываются, вероятно, два фактора — глобализация проблем социально-политического характера и наследие прошлого. Поэтому страх перед этой опасностью достаточно велик и устойчив в массовом сознании россиян. Несмотря на потепление международных отношений и на относительную цивилизованность человечества в целом, война как способ разрешения спорных вопросов остается распространенным явлением. В 90-х годах в мире ежегодно происходило порядка 35 вооруженных конфликтов. С другой стороны, страх перед внешней угрозой, страх перед

ядерной войной, в частности, был одним из важнейших компонентов советской идеологии. О специфическом отношении к этой опасности свидетельствует результат массовых опросов ВЦИОМ, посвященных феномену «советского человека». В 1989 г. угрозы ядерной войны боялись 48,3% советских граждан (для сравнения: нищеты — 16,7%, криминализации общества — 14,7%). Значительно большее число «западников» озабочены экологическими проблемами, а также потенциальными катастрофами глобального уровня воздействия: глобальным потеплением климата — соответственно 22 и 11%, опасностью уничтожения различных видов животных — 32 и 24%, возникновением в атмосфере озоновых дыр — 27 и 18%, уничтожением лесов на планете — 41 и 35%, распространением неонацизма и ему подобных сил — 23 и 16%, усилением позиций ислама — 11 и 4%.

Респонденты, придерживающиеся полярных точек зрения на будущее России, ощущают одинаковый страх перед «вечными» природными, экологическими и морально-духовными опасностями: гражданские и межэтнические войны пугают 34% «западников» и 35% «традиционалистов», полная утрата традиций и культуры — соответственно 28 и 31%, истощение природных ресурсов — 25 и 27%, скопление неиспользуемых отходов — 27 и 26%, неверие в Бога, грубый материализм, бездуховность — по 18%, кризис семейных ценностей — 32 и 33%, природные бедствия — 29 и 32% и некоторые другие.

Анализ показывает, что 70% «западников» и 80% «традиционалистов», испытывавших сильную тревогу и постоянный страх в отношении различных опасностей, не видят никакой причины или возможности делать что-нибудь, чтобы предотвратить опасности для общества. Предпринимать какие-то меры, чтобы предотвратить или ослабить самую серьезную опасность, намерена лишь одна треть респондентов

(33,2% — представители первой группы и 30,1% — второй). Более 2/3 опрошенных, вне зависимости от их политических предпочтений, считают, что от их действий ничего не зависит. В то же время больше 60% опрошенных «западников» и 70% «традиционалистов» объявили о готовности защищать свою семью от угрозы роста преступности, от загрязнения окружающей среды, от безработицы; не более 1/4 респондентов в каждой группе опрошенных только на словах предполагают защищать страну, общество в целом.

Вряд ли такой результат говорит о полной утрате чувства коллективизма или любви к ближнему. Скорее всего, основная причина социальной пассивности — неверие в способность рядового гражданина даже коллективными действиями повлиять на изменение общей ситуации в стране, то есть наблюдается недоверие к органам государственной власти, к социальным институтам, ибо именно они, по общему мнению, призваны гарантировать защиту от преступности, обнищания, от уничтожения среды обитания.

Таким образом, можно констатировать, что предположения политологов несколько

преувеличены, в стране отсутствует четко выраженный барьер между сторонниками западных образцов развития и сторонниками традиционализма, по крайней мере, в отношении к опасностям разного рода — мнимым и реальным, возможным и пережитым. Меньшая тревожность «западников» к доминирующим опасностям, вероятно, связана с тем, что в результате предполагаемых преобразований они надеются справиться с существующими внешними проблемами. «Традиционалисты» же в своем стремлении создать великую державу и уменьшить контакты с другими странами несколько преувеличивают масштаб и значимость внешних опасностей для страны. Легко заметить, что они также обладают более высоким уровнем тревожности и по отношению к внутренним опасностям, проявляющимся в экономике, социальной патологии. В целом полученные данные свидетельствуют, что население занимает позицию стороннего наблюдателя. Около 70–80% опрошенных не намерены активно участвовать в социальных трансформациях. И «западники», и «традиционалисты» не удовлетворены своим положением в равной степени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Иванова В. А.* Страхи и тревоги россиян // Социологические исследования. 2002. № 3. С. 44–50.
2. Российский проект: как выжить и сохранить национальную идентичность // Независимая газета. 2001. 11 апреля. С. 45.
3. *Шубкин В. Н., Иванова В. А.* Страхи на постсоветском пространстве. М., 2009.

REFERENCES

1. *Ivanova V. A.* Strahi i trevogi rossijan // Sotsiol. issled. 2002. N 3. S. 44–50.
2. Rossijskij proekt: kak vyzhit' i sohranit' natsional'nuju identichnost' // Nezavisimaja gazeta. 2001. 11 aprilja. S. 45.
3. *Shubkin V. N., Ivanova V. A.* Strahi na postsovetском prostranstve. M., 2009.